

Научная статья / Research Article

УДК 316.455

DOI: 10.14258/SSI(2024)1-03.

Гражданская идентификация и ценностные ориентации населения приграничных регионов России

Ольга Владимировна Борисова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
olya333es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9569-0304>

Ольга Леонидовна Сытых

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
sytykh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3986>

Аннотация. В настоящее время в связи со сложными социальными, политическими и экономическими процессами еще острее возникает потребность в изучении гражданской идентификации и ценностей населения России. Гражданская идентификация является значимой составляющей основы формирования гражданского общества. Именно осознание наличия единения, общей принадлежности к единому социальному «организму», чувство «мы» (We-pness) и ощущение себя частью целого, восприятие других членов социума не как «других», а как «своих» способствует формированию взаимопонимания, социальной солидарности, единства задач и интересов отдельных индивидов и общества в целом. Российская гражданская идентификация сегодня рассматривается как базовая идентификация, наряду с этнической, конфессиональной и др. В фокусе статьи — анализ гражданской идентификации и ценностных ориентаций жителей приграничных регионов России. Представлены результаты исследования, проведенного в 2019 г. в Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай (n=1418). Согласно полученным результатам было выявлено, что некоторые ценностные различия имеют выраженную экономическую детерминацию. Так, плохое материальное положение, отсутствие личностных, физических и психических ресурсов приводили к формированию иных ценностных ориентаций, в частности, в большей степени ориентированных на возможность реализовать свои гражданские права, проявить гражданскую активность. Граждане с низким уровнем экономического благополучия чаще выбирали здоровье в качестве главной жизненной ценности. Сравнительный анализ ответов мужчин и женщин продемонстрировал также приверженность традиционным взглядам на жизнь. Наиболее важными являются семейное счастье, личная безопасность, спокойная размеренная жизнь.

Ключевые слова: гражданская идентичность, ценности, приграничные регионы, гражданское общество, гражданская активность

Финансирование: исследование выполнено в рамках Гранта РФФИ «Гражданская идентичность, гражданские инициативы и социальная активность населения как основа формирования гражданского общества в современной России» (№ 19-011-31434 опн).

Для цитирования: Борисова О.В., Сытых О.Л. Гражданская идентификация и ценностные ориентации населения приграничных регионов России // *Society and Security Insights*. 2024. Т. 7, № 1. С. 40–51. doi: 10.14258/ssi(2024)1-03.

Civic Identification and Value Orientations of the Population of Border Regions of Russia

Olga V. Borisova

Altai State University, Barnaul, Russia
olya333es@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9569-0304>

Olga L. Sytykh

Altai State University, Barnaul, Russia
sytykh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8654-3986>

Abstract. The complex social, political and economic processes make more acute the need to study the civic identification and values of the Russian population. Civic identification is a significant component lying in the basis for the formation of civil society. Its function is the creation of unity, common belonging to a single social “organism”, the feeling of “we-ness”, and the feeling of being part of the whole, the perception of other members of society not as “others” but as “our own” that contributes to the formation of mutual understanding, social solidarity, unity of tasks and interests of individuals and society as a whole. Russian civic identification today considered as a basic identification, along with ethnic, confessional and others. The focus of the article is the analysis of civic identification and value orientations of residents of the border regions of Russia. The results of the research conducted in 2019 in Altai Krai, Novosibirsk Oblast and Altai Republic (n=1418) are presented. According to the results, it has been revealed that some value differences have a pronounced economic determination. Thus, poor financial situation, lack of personal, physical and mental resources led to the formation of different value orientations. The formation of other value orientations, in particular, more oriented on the opportunity to realize their civil rights, to manifest civic activity. Citizens with a low level of economic well-being more often chose health as the main life value. In addition, the comparative analysis of men and women’s answers demonstrated adherence to traditional views on life. The most important are family happiness, personal security, and a calm and measured life.

Keywords: civic identity, values, border regions, civil society, civic activity

Financial support: the research was carried out within the framework of the RFBR Grant “Civic identity, civic initiatives and social activity of the population as a basis for the formation of civil society in modern Russia” (№ 19-011-31434 opn).

For citation: Borisova, O.V., Sytykh, O.L. (2023). Civic Identification and Value Orientations of the Population of Border Regions of Russia. *Society and Security Insights*, 7(1), 40–51. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2024)1-03.

Введение

Гражданская идентификация является частью общего идентификационного дискурса современности, значительно актуализированного ростом глобализации и ассоциирующихся с ней экономических, социальных, политических и культурных феноменов. В условиях увеличения интенсивности социальных взаимодействий, взаимопроникновения культур, подвижности и пересмотра значимости реальных и символических границ — физических, государственных, юридических, разделяющих социальные и культурные пространства, происходит невероятное расширение поля идентификационных возможностей, процесс поиска индивидом себя становится сложным, многомерным и поливариантным. И хотя многие говорят о кризисе идентичности, в том числе гражданской, который связывают с гетерогенностью современных обществ, их активной геополитической трансформацией, сдвигами в принципах устройства современного мира, потерей национальными государствами значительной части своей независимости и суверенитета, прежде всего в экономическом, политическом и культурном смыслах (Brubaker, Cooper 2000; Семенова, 2010; Силаньева, 2012; Мусаев, Гаджиева, 2018), на деле наблюдается скорее кризис устоявшихся, традиционных взглядов на природу идентичности, преодоление которого, по нашему мнению, заключается в разработке более гибких концепций, учитывающих эту постоянно ускользающую и резко изменяющую свою суть социальную реальность, в том числе реальность политическую, в пространстве которой, в тесном переплетении с культурной и историческими плоскостями социальной жизни, заявляет и проявляет себя гражданская идентичность.

Гражданская идентичность — также один из ключевых блоков построения гражданского общества. На данный момент трансформирующиеся условия существования гражданского общества делают крайне востребованными гражданское самосознание, гражданскую идентификацию личности, а также проявления гражданской идентичности в повседневном поведении индивида.

Анализируя работы зарубежных исследователей по проблеме идентификации, можно отметить, что такие понятия, как «гражданская идентичность», «государственная идентичность», «государственно-гражданская идентичность», почти не встречаются в зарубежной научной литературе, вместо этого чаще всего используется термин «национальная идентичность» (national identity). Считая синонимами понятия «гражданская идентичность» и «национальная идентичность» в случае зарубежных исследований, все сказанное о национальной идентичности можно считать верным и для гражданской идентичности. Говоря о гражданской идентичности, зарубежные авторы подразумевают осознание человеком себя как гражданина определенной страны, наличие у него чувства общности с ее гражданами, а также эмоционально-ценностного отношения к осознанию себя гражданином страны.

Для России все вышеперечисленные тенденции также актуальны, они создают общий социокультурный и политический контекст, в котором протекают внутрироссийские процессы — конструирования современной российской нации, определения ее идеологических основ, формирования общероссийской идентичности,

включающей национальные, гражданские и этнические компоненты. Эти процессы довольно противоречивы, длительны, наследуют опыт предыдущих эпох существования российской государственности. Так, мы до сих пор испытываем на себе последствия разрушения советской идентичности и перехода к демократическому транзиту, выстраиваем новое пространство идентичностей и солидарностей, хотя по поводу последствий данных событий оценки разнятся вплоть до противоположных. Так, например, В. Д. Зорькин отмечает, что распад советской системы надэтнической интеграции в ситуации привел к образованию агрессивных, враждебных этнических и религиозных идентичностей и загубил нарождающуюся российскую идентичность, что наиболее ярко проявилось в деятельности экстремистских религиозных групп, действовавших на Северном Кавказе (Зорькин, 2011).

Гражданская идентичность, социальные установки в отношении гражданской активности формируются в результате социализационных процессов, протекающих по-разному в зависимости от характеристик социальной среды и по-разному определяющих дальнейший опыт социальной активности индивидов. Они испытывают и существенное влияние господствующей в обществе идеологии и представлений о гражданской нации, о национальной идее и национальных символах, о роли граждан в строительстве и развитии политической нации и их возможностях изменять социальную жизнь, принимать участие в разработке и исполнении государственных решений относительно значимых аспектов их жизни, иными словами — быть значимой частью гражданского общества. В этой связи весьма нетривиальной задачей является исследование того, какими именно гражданами считают себя жители той или иной страны, какие основания они используют для сравнения и какие значимые характеристики составляют смысловое «ядро» социальных идеалов относительно моральных качеств, гражданских чувств и стратегий поведения «настоящего гражданина». Для России, находящейся в активном поиске своей особой национальной траектории развития и оптимальных механизмов взаимодействия между формирующимся гражданским обществом и государством, эти задачи имеют не только чисто теоретическую, научную, но и практическую ценность.

Методы

Для сбора социологических данных использовался метод опроса населения (лиц в возрасте 18–70 лет), проживающих на территории трех приграничных регионов России, различающихся по социально-экономическому статусу (Алтайский край, Республика Алтай, Новосибирская область; $n = 1418$). Для отбора респондентов была применена многоступенчатая выборка с квотным отбором. В исследовании всего приняли участие 1418 респондентов из Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай. В Алтайском крае в исследовании приняли участие 590 респондентов, из них 43,2% — мужчины и 56,8% — женщины. В Новосибирской области приняли участие 404 респондента (46,8% — мужчины и 53,3% — женщины). В Республике Алтай было опрошено 424 чел., из них мужчин 49,4%, 50,6% — женщины. Респонденты были разделены на три возраст-

ные категории: возрастная группа 18–29 лет: Алтайский край — 26,5%, Новосибирская область — 20,0%, Республика Алтай — 34,0%; категория 30–49 лет: 43,9%, 44,6% и 35,0% соответственно; старшая возрастная категория 50–75 лет: 29,6%, 35,4%, и 31,0% соответственно. Анализ материального положения населения показал, что большинство жителей оценивают свое материальное положение как среднее, когда денег хватает на питание, недорогую одежду, крайне необходимые вещи и оплату коммунальных услуг, а на приобретение дорогих вещей приходится долго копить (Алтайский край — 63,4%, Новосибирская область — 75,4%, Республика Алтай — 68,7%). В Алтайском крае свое материальное положение оценили ниже среднего 10,4% населения (9,7% живут очень бедно, 0,7% — очень бедно). В Новосибирской области 10,9% живут бедно, а 1,3% — очень бедно. В Республике Алтай 11,0% жителей ответили, что живут бедно, а 1,7% — живут очень бедно. Свое материальное положение как очень хорошее, богатое оценили только 2,3% населения в Алтайском крае и 1,0% в Республике Алтай. Обработка данных была осуществлена с помощью пакета SPSS 24.0.

Результаты

Уровень цивилизационного и демократического развития общества, состояние морали и общественных отношений непосредственным образом отражаются на характеристиках общественного сознания. Ярче всего это влияние прослеживается в ценностных ориентациях граждан, выступающих базовыми регуляторами поведения социальных субъектов и отражающих устойчивое оценочное отношение к различным аспектам общественной жизни (Сурина, 2005). Представляя собой конstellляции наиболее значимых социальных ценностей, ориентированных на удовлетворение значимых потребностей индивида, ценностные ориентации как социальная система содержат компоненты высшего порядка — высшие цели, так называемые терминальные ценности, и ценности, служащие средствами для достижения указанных идеалов — инструментальные ценности. Иерархии ценностей выступают важными индикаторами сформированности, актуализированности и удовлетворенности социальных потребностей индивидов, социальных групп и общества в целом, показывают вектор направления общественного развития, или, иными словами, в какую сторону движется общество, какие цели и приоритеты являются для него основополагающими.

В контексте проведенного исследования особую важность имел анализ распространенности гражданских ценностей, в число которых большинство исследователей включает свободу личности и демократическое правосознание, ценности саморазвития, политический и культурный плюрализм, терпимость, открытость и готовность к сотрудничеству, равенство и справедливость, патриотизм (Баталов, 2002; Горшков, 2008). Именно на основе этих ценностей формируются гражданская идентификация, а также гражданское самосознание и гражданская культура, проявляется гражданская ответственность, определяется восприятие общественных проблем, вызовов и угроз как лично значимых, направляющих деятельность индивида (Гаврилова, 2017).

Как показали социологические опросы в сибирских регионах, ключевую роль в ценностных ориентациях их жителей играли здоровье (73,5% выборов, множественные варианты ответа), счастливая семейная жизнь (54,6%), материальная обеспеченность, достаток (30,9%), личная безопасность и безопасность близких людей (30,2%). При этом распределение выборов по последним двум альтернативам имело существенные региональные отличия: на материальный достаток более всего были ориентированы респонденты, проживающие в Новосибирской области (56,4% выборов) и Республике Алтай (51,1%), тогда как в Алтайском крае доля респондентов, для которых материальное благополучие было основополагающим, составила только 38,3%¹. Относительно безопасности наибольшие различия также наблюдались между Новосибирской областью (38,1%) и Алтайским краем (26,5%) (табл.).

Вторую по распространенности группу ценностей (от 20% до 24% выборов) составили активная деятельная жизнь (наибольшая распространенность в Алтайском крае и Республике Алтай), интересная работа, а также социальная справедливость, в равной степени важные для жителей всех трех регионов. Ценность свободы являлась приоритетной для 17,6% опрошенных, почти столько же (15–17%) желали вести спокойную размеренную жизнь и заниматься саморазвитием, около 14% — были обеспокоены общественной безопасностью и в число личных ценностных приоритетов включали отсутствие военных и других угроз стране (различия значимы между всеми тремя регионами, в большей степени данная ценность разделялась жителями Новосибирской области — 16,3%, в меньшей степени — в Республике Алтай — 15,4% и Алтайском крае — 10,8%). От 7% до 10% респондентов отметили в качестве важных для себя ценности чистоты природы (наиболее значимые различия между Новосибирской областью — 7,2% и Республикой Алтай — 11,8%), красоты природы и искусства, счастья и благополучия других, творчества, самовыражения, культурного развития (достоверные различия между Алтайским краем — 9,8% и Новосибирской областью — 5%), развлечений, романтики и приключений (значимо меньше распространенные в Новосибирской области). К сожалению, ценности, являющиеся основополагающими для развития гражданского общества, — ощущение своей необходимости людям, обществу и государству, общественное признание и уважение окружающих — разделялись только 5,3% участников исследования. Духовные и религиозные ценности входили в число жизненных приоритетов у 3,3% опрошенных, тогда как возможности реализовать свои гражданские и политические права, проявлять гражданскую активность — только у 2,3%. В большинстве случаев меньшая распространенность была присуща респондентам из Новосибирской области (табл.).

.....
¹ Критерии проверки: χ^2 , z-критерий с коррекцией Бонферрони для множественных сравнений.

Ценностные ориентации респондентов в региональном разрезе, % (буквами в ячейке обозначена другая ячейка, с которой наблюдались статистически значимые различия, рядом в скобках указан уровень значимости, р)

The value orientation of respondents in different regions, % (the letters in the cell denote another cell with which statistically significant differences were observed, the p-value indicated in brackets)

Ценности	Алтайский край (A)	Республика Алтай (B)	Новосибирская область (C)
Здоровье	72,5	71,6	76,7
Счастливая семейная жизнь	51,2	58,6	55,4
Материально обеспеченная жизнь, достаток	38,3	51,1 A (0,001)	56,4 A (0,001)
Личная безопасность, безопасность близких людей	26,5	27,7	38,1 A (0,001)
Надежные и верные друзья	27,8	34,5	31,7
Активная, деятельная жизнь	27,8 C (0,009)	23,2	19,6
Интересная работа	24,2	20,6	26,5
Социальная справедливость	20,1	24,1	23,3
Свобода	17,7	18,2	16,8
Спокойная размеренная жизнь	14,9	17,3	19,1
Образование, получение новых знаний, саморазвитие	13,9	16,8	15,6
Общественная безопасность, отсутствие военной и других угроз стране	10,8	15,4	16,3
Красота природы и искусства	9,6	12,5	8,2
Чистота природной среды	8,9	11,8 C (0,006)	7,2
Счастье, благополучие других	7,4	9,7	11,1
Творчество, самовыражение, культурное развитие	9,8 C (0,016)	9	5
Развлечения, романтика, приключения	8,4 C (0,005)	9,2 C (0,002)	3,5
Ощущение своей необходимости людям, обществу, государству	5,7	5,9	4,2 A (0,035)
Власть, престиж, общественное признание, уважение окружающих	6,9 C (0,003)	5,9 C (0,023)	2,2
Ценности религии, духовность	3,6	5	1,2
Возможность реализовать гражданские и политические права, гражданская активность	3,1	2,4	1,2
Другое	0,5	1,2	0,5

Региональные различия проявились не только на основе общих выборочных совокупностей, но и при рассмотрении влияния других факторов на конфигурацию ценностей — пола, возраста, места проживания, материального положения.

Так, поселенческие различия касались только ограниченного круга ценностей и не носили всеохватывающего характера, являясь релевантными лишь для отдельных регионов. В большей степени ценностный разрыв между городом и деревней проявился в Алтайском крае, где иерархии значимых ценностей сельских жителей значимо чаще включали здоровье (79,7%, в группе горожан — 69,5%), социальную справедливость (29,3%, в группе горожан — 17,1%), материальную обеспеченность (45,9% по сравнению с 35,6%), спокойную и размеренную жизнь (20,3% по сравнению с 13,2% в городе), ценности религии, духовность (6,8% по сравнению с 2,6%). Таким образом, сельские жители, с одной стороны, имели повышенный уровень тревожности и остро переживали социальные перемены, сопряженные с экономическими и социальными вызовами и угрозами, потрясениями, вызванными глубоким реформированием социальной сферы села, огромным разрывом в уровне доходов, развитии социальной инфраструктуры, культурных возможностей между городом и деревней, с другой — в селе остались сохранными традиционные ориентации на тихую, размеренную, наполненную повседневными делами жизнь, большую значимость духовных практик.

В Новосибирской области различия были принципиально иной модальности. Жители села там были чаще, чем горожане, ориентированы на счастье и благополучие других (18,8% по сравнению с 9,3%), тогда как для горожан более значимой ценностью являлась интересная работа (14,5% по сравнению с 2,5%). В Республике Алтай городские жители были в большей степени, чем в других регионах, ориентированы на творчество, самовыражение и культурное развитие (13,3%), а также власть, и общественное признание (5,9% и 3,8% соответственно, выражено преимущественно среди мужчин). Кроме этого, исследование показало, что в более урбанизированных регионах (Алтайский край и Новосибирская область) для городского населения ценности активности, деятельной жизни являются более значимыми, чем для проживающих в сельской местности граждан, причем это различие было еще и гендерно чувствительно в Новосибирской области, где мужчины являлись более активными, чем женщины. Для Республики Алтай, в которой границы между городом и деревней являются размытыми как в административном, так и бытовом, символическом планах, такое разделение не имело существенного значения.

Возрастные различия имели как обобщенный, так и регионально специфичный характер. Молодежь до 24 лет была в большей степени ориентирована на получение образования, интересную работу и карьеру, творчество, самовыражение и культурное развитие, развлечения, приключения и романтику, чем представители старших поколений, для которых были более значимы ценности здоровья, социальной справедливости, счастливой семейной жизни, личной и общественной безопасности. Чаще всего различия были значимыми в Новосибирской области и Республике Алтай, тогда как в Алтайском крае ценностные ориентации разных

поколений были сходными. Исключение составили ценности свободы и чистоты природной среды, приоритет которых был выше среди молодежи (28,1% и 16,9%), чем в других возрастных группах.

Сравнительный анализ ответов в группах мужчин и женщин показал, что жительницы сибирских регионов придерживаются весьма традиционных взглядов на жизнь, для них в большей степени, чем для мужчин, является важным семейное счастье и личная безопасность, благополучие близких, спокойная, размеренная жизнь (особенно в Новосибирской области). Регионально специфичным являлось различие в ценности образования, получения новых знаний и саморазвития в Республике Алтай, также гораздо более востребованных среди женщин (21,1%), чем среди мужчин (12,0%). Мужчины во всех регионах в значительно большей степени были ориентированы на отстаивание своей свободы и независимости.

Ценностные ориентации имели также четкую экономическую детерминацию: во всех регионах наибольший вес ценностей, связанных с активным образом жизни, властью, престижем и получением общественного признания присутствовал в конфигурациях ценностных ориентаций более богатых и материально обеспеченных респондентов. Дополнительно, в Алтайском крае «богатые» чаще испытывали потребность в ощущении своей необходимости людям (9,7%), тогда как в Новосибирской области — были в большей степени ориентированы на получение интересной работы (40,8%). Плохое материальное положение, отсутствие личностных, физических и психических ресурсов приводили к формированию иных ценностных ориентаций, в частности, в большей степени направленных на возможность реализовать свои гражданские права, проявить гражданскую активность. В частности, такая взаимосвязь была статистически подтверждена в Алтайском крае, где среди респондентов, считающих себя бедными, 8,6% заявили о значимости такой ценности, тогда как в более успешных в материальном плане группах — только 2–2,8%. Наиболее очевидные изменения, формируемые бедностью, связаны с восприятием здоровья. Среди бедных здоровье считается более важной ценностью, чем среди более обеспеченных страт населения, поскольку это не только один из главных жизненных, но еще и трудовых ресурсов. Эта зависимость была обнаружена в ходе исследования в Алтайском крае, где 79,3% малообеспеченных граждан выбрали здоровье среди наиболее важных ценностей (для сравнения, в группе «богатых респондентов» — 55,9%), и в Новосибирской области, где здоровье входило в число наиболее важных ценностей у 91,7% малообеспеченных респондентов и у 67,3% респондентов с высоким достатком.

Обсуждение и заключение

Полученные результаты показывают, что, несмотря на наличие некоторых общих ценностных ориентиров, разделяемых всем населением, таких как здоровье, счастье семьи и близких, прочное материальное положение, безопасность, существует довольно много нюансов восприятия жизни, на основе которых формируются группы населения со сходными ориентациями, которые могут стать социальной базой для различных общественных движений, некоммерческих

организаций, форм и направлений социальной активности. К сожалению, собственно гражданские, альтруистические ценности, ценности, которые можно назвать постматериальными, пока не занимают достойного места в ценностных ориентациях граждан ввиду их большей озабоченности витальными потребностями. Было выявлено, что депривация и фрустрированность тоже могут формировать ценностные основания, используемые в дальнейшей активности граждан.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et contra. 2002. Т. 7, № 3. С. 7–22.

Гаврилова Н. А. Приобщение к гражданским ценностям как необходимое условие становления гражданской позиции студентов университета // Российская наука в современном мире : материалы VIII междунар. науч.-практ. телеконф. Пенза : Актуальность. РФ, 2017. С. 27–30.

Горшков М. К., Андреев А. Л., Аникин В. А., Бызов Л. Г., Петухов В. В., Бараш Р. Э., Тихонова Н. Е. Российская идентичность в социологическом измерении : аналитический доклад. М. : Институт социологии РАН, 2008. 72 с.

Горшков М. К. Гражданское общество и гражданская культура в современной России: опыт социологической диагностики. Вместо предисловия // Россия реформирующаяся. Вып. 11. М. : Новый хронограф, 2012. С. 3–26.

Дробижева Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Вып. 7. 2008. М. : Институт социологии РАН, С. 214–228.

Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 7–31.

Зорькин В. Современное государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета. 2011. 7 сент.

Логонова А. А. Формирование гражданской идентичности школьников средствами интернет-проектов. Самара, 2010. 229 с.

Мусаев И. М., Гаджиева, А. А. Государственно-гражданская политическая идентичность: теория и опыт формирования // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 15–19.

Семенова Ю. А. Кризис гражданской идентичности в условиях трансформации современного общества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 7 (113). С. 87–92.

Силантьева М. В. Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности // Вестник МГИМО университета. 2012. №2 (23). С. 173–179.

Сурина И. А. Ценностные ориентации // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 4. С. 162–164.

Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 6(4). С. 135–142.

Brubaker R. The Manichean myth: Rethinking the distinction between 'civic' and 'ethnic' nationalism // *Nation and national identity: The European experience in perspective*. 1999. P. 55–71.

Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // *Theory and Society*. 2000. 29(1). P. 1–47. <http://www.jstor.org/stable/3108478>.

REFERENCES

Batalov, E. (2002). Political culture of Russia through the prism of civic culture // *Pro et contra*, 7(3), 7–22. (In Russ.).

Gavrilova, N. A. (2017). Acquaintance to civic values as a necessary condition for the formation of civil position of university students. In: *Russian science in the modern world. Materials of the VIII international scientific and practical teleconf.* (pp. 27–30). Penza : Aktual'nost'. RF. (In Russ.).

Gorshkov, M. K., Andreev, A. L., Anikin, V. A. A., Byzov, L. G., Petukhov, V. V., Barash, R. E., & Tikhonova N. E. (2008). *Russian identity in the sociological dimension. Analytical report*. Moscow : Institut sociologii RAN. (In Russ.).

Gorshkov, M. K. (2012). Civil society and civic culture in modern Russia: the experience of sociological diagnostics. Instead of the preface. *Russia reforming*. Vol. 11 (pp. 3–26). Moscow : Novyj hronograf. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2008). National-civil and ethnic identity: problems of positive compatibility. *Russia reforming*. Vol. 7 (pp. 214–228). Moscow : Institut sociologii RAN. (In Russ.).

Drobizheva, L. M. (2017). Civil identity as a condition for weakening ethnic negativism. *Mir Rossii*, 1, 7–31. (In Russ.).

Zorkin, V. (2011). Modern state in the era of ethno-social diversity. *Rossiyskaya gazeta*. 07.09.2011. (In Russ.).

Loginova, A. A. (2010). *Formation of civil identity of schoolchildren by means of Internet projects*. Samara. (In Russ.).

Musaev, I. M., Gadzhieva, A. A. (2018). State-civil political identity: theory and experience of formation. *Social'no-politicheskie nauki*, 1, 15–19. (In Russ.).

Semenova, Yu. A. (2010). The crisis of civil identity in the transformation of modern society. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7 (113), 87–92. (In Russ.).

Silantieva, M. V. (2012). Diffuse identity — modern version of civil identity., *Vestnik MGIMO universiteta* 2 (23), 173–179. (In Russ.).

Surina, I. A. (2005). Value orientations. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 4, 162–164. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (2008). Russian people and national identity. *Rossiya v global'noj politike*, 6(4), 135–142. (In Russ.).

Brubaker, R. (1999). The Manichean myth: Rethinking the distinction between 'civic' and 'ethnic' nationalism. *Nation and national identity: The European experience in perspective*. (pp. 55–71).

Brubaker, R., Cooper, F. (2000). Beyond “Identity”. *Theory and Society*, 29(1), 1–47. <http://www.jstor.org/stable/3108478>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ольга Владимировна Борисова — старший преподаватель кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Olga V. Borisova — Senior Lecturer at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Ольга Леонидовна Сытых — д-р филос. наук, профессор кафедры социальной и молодежной политики Алтайского государственного университета, г. Барнаул, Россия.

Olga L. Sytykh — Dr. Sci. (Philosophy), Professor at the Department of Social and Youth Policy, Altai State University, Barnaul, Russia.

Статья поступила в редакцию 11.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.02.2024;
принята к публикации 25.02.2024.

The article was submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 25.02.2024;
accepted for publication 25.02.2024.